

Г О Л О С А П А Р И Ж А

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Сильвия Вартан и Джон Холлидей

Вот уже три года писательница Наталья Кончаловская, член Советского комитета защиты мира, выступает на литературно-музыкальных вечерах со специально подготовленными программами «Поет Эдит Пиаф», «Поют пятнадцать». Свыше ста таких своеобразных концертов Н. Кончаловская дала в Севастополе, Харькове, Иркутске, Новосибирске и многих других городах нашей Родины.

Гонорар от этих концертов, а также от книги «Песня, собранная в кулак» и грампластинки писательница передала в Фонд Мира.

Э СТРАДА Парижа... Дворец Шайо. Зал Плейель. Театры Бобино и Олимпия. Бесчисленные кабаре. Ревю — типа Казино де Пари, где в окружении обнаженных герлс много лет царствует знаменитая Лина Рено. Подмостки больших ресторанов, вроде Лидо на Елисейских полях...

Великое множество певцов и певиц — «звезд» разной величины.

Я хочу рассказать о певцах. У нас принято называть их «шансонье», но, как объяснили мне, во Франции так называют только комических куплетистов, выступающих в цирке и на эстраде. В хороших певцах заинтересованы многие люди, желающие нажиться на каждом новом таланте: импресарио, владельцы театров, фирм грамзаписи, рекламных бюро, художники, журналисты, фотографы. Словом, на артиста делают ставку, как на ипподромную лошадь. И не зря — некоторые зарабатывают целые состояния.

Иногда слава приходит совершенно неожиданно. Вот, к примеру, молодой певец Мишель Полнарёв (происходящий из семьи русских эмигрантов), голубоглазый худенький блондин с длинными волосами до плеч. В голубом свитере и черных очках, он походит на девушку, когда, перебирая холемными руками струны гитары, поет высоким голосом песни, написанные им самим. За сезон было продано 600 000 пластинок с его записями. Теперь у него «своя публика» — он в моде.

Еще большую славу снискал Джонни Холлидей. Красивый, стройный парень огромного роста. Родители — мать американка и отец бельгиец — бросили его ребенком, и он воспитывался у какого-то американского дядюшки. С 16 лет зарабатывал, брэнча на гитаре в кабаках. Потом попал в руки импресарио, который одел его в черную кожаную куртку, собрал для него негритянский джаз «Черные птицы». Джонни

стал привлекать толпы парижан. Ни одно выступление Холлидея не обходилось без потасовок.

Джонни женат на молодой певице Сильвии Вартан. В одном из номеров «Юманите» я прочла рецензию журналиста Ги Сильва на последние выступления

Шарль Азнавур

этой супружеской пары в театре Олимпия. Жожо, выйдя на сцену, вытворяет нечто невообразимое, изображая дикого зверя, пытаясь разгрызть микрофон, катаясь по полу, вопя: «Никто меня не любит!» Все это сопровождается адским грохотом в оркестре и мечущимися по сцене лучами цветных прожекторов. А когда обезумевший Жожо начинает сбрасывать с себя одежду и наматывать на шею электрические провода, появляется в ярком свете маленькая нежная блондинка Сильвия Вартан, которая, как тихий ангел, укрощает разбушевавшегося Жожо. Извинившись перед зрителями, он начинает петь свои песенки. «Каждый посвоему с ума сходит!» — заканчивает рецензент. Концерты супругов продолжают, но фирма пластинок Пате Маркони готовит Джонни «сюрприз». Отыскалась новая «звезда» — Жильбер Гренье, который тоже поет «психологические» песни. Его коротко остригли, сняли с него обязательные черные очки, облачили в бархатный костюм и скоро выпустят в программу, которая будет называться «анти-Джонни».

О ЧЕНЬ интересно было наблюдать за борьбой стилей на парижских эстрадах.

Как-то в Латинском квартале, на бульваре Распай, я наткнулась на маленький Народный театр французской песни. Небольшой зал, отделанный серым бархатом, был заложен только наполовину. Присутствовала молодежь, в основном — студенты. Выступали четверо: певец Жак Дуэ (он же директор театра), певица Катрин Соваж, певицы Джемс Оливье и Мулуджи.

Пели без оркестра, под рояль и гитары. Репертуар «не модный», но прекрасно подобранный. Публика принимала артистов без оценок, но горячо и серьезно. После концерта я зашла к Жаку Дуэ, и он рассказал о театре, который посвятил себя благородной цели — борьбе с чуждыми французскому искусству влияниями. Отвергая шумную моду и коммерческую зависимость, певцы выступают с классическим репертуаром, с песнями на тексты Ронсара, Арагона, Лорки, Превьера, Ферре, Пьера Сергеса. Балетная труппа испол-

няет народные танцы, фарандолу и др. К сожалению, у этого ансамбля гораздо большая популярность за границей, чем во Франции, где публика равнодушна к национальным танцам. На одном из фестивалей в Финляндии труппа Дуэ получила пер-

вую премию. Но и в Париже часть студенчества, не приверженная к песенкам в стиле «йе-йе», любит этот театр.

Издатель и поэт Пьер Сегерс выпустил несколько стихотворных сборников певцов, пишущих слова и музыку к своим песням. Так, вышли книжечки Лео Ферре, Шарля Азнавура, Феликса Леклера, Шарля Трене, Жака Бреля, Ги Бера, Жоржа Брассанса. О последнем мне хочется поговорить особо.

Жоржа Брассанса французы считают современным Вийоном. Стихи его, полные остроумия и живых образов, необычайно талантливы. Брассанс напрочь отрицает моду. Он бичует пошлость, духовную нищету, меркантилизм современного буржуазного общества. Он француз до мозга костей.

Выступает этот пожилой невысокий парижанин в черном вельветовом пиджаке в сопровождении контрабасиста, пощипывающего где-то в стороне струны, помогая басовым звучанием гитаре авгора. С виду Брассанс напоминает фабричного труженика в воскресный день. Поет он, чет-

Как лирик и философ, она не имеет успеха на модных эстрадах и предпочитает петь в студенческих аудиториях Сен-Жермена, где, как она сама говорит, никто не рассматривает, из чего сшито ее платье, никого не интересует, у какого парикмахера она причесана и какой предпочитает лак для ногтей. «Лучше петь в зале «Мютюалите» перед студентами, заплатившими пять франков за билет, чем перед пустыми бутылками от шампанского, которые меня не слушают так же, как и те, кто их выпил».

Из певцов я могла бы назвать Жюльетт Греко. Я люблю ее за то, что она нашла свой собственный стиль и никому не подражает, за ее низкий грудной голос, то доходящий до шепота, то взрывающийся под купол огромного зала Шайо, где 2800 человек замирают, слушая Жюльетт.

Сейчас взойшла еще одна «звездочка» — двадцатилетняя Мирей Матье, которую недавно мы имели удовольствие слушать на наших эстрадах. Она выросла в шумной компании своих 12 братьев и сестер. У дочери рабочего из Авиньона оказался редкий талант. Но поет она голосом, настолько похожим на голос Эдит Пиаф, что многие поклонники покойной королевы песни негодуют, считая, что Мирей попросту ее копирует, изучив манеру и голос по пластинкам. Однако я думаю, что из Мирей вырастет большая артистка. Уже и сейчас у нее есть свои «фанатики», главным образом молодежь.

Между прочим, ни одна французская певица не осмелилась петь песни из репертуара Эдит Пиаф, кроме Жакелин Франсуа, довольно неудачно исполняющей «Гимн любви». И если говорить всерьез, то для того, чтобы петь так, как пела Эдит, видимо, надо столько же пережить, сколько выпало на долю королевы песни. То, что создавала Эдит Пиаф, могла создать только она одна.

...Всходят на небосклоне парижской эстрады новые звезды. Иные быстро закатываются, но другие светят ярко и долго.

Мирей Матье

но донося стих и не претендуя на внешнюю эффектность, но с глубоким внутренним артистизмом. Успех у него постоянный и бурный.

Есть среди поэтов-исполнителей и женщины. К примеру, Анна Сильвестр — большой мастер стиха.